

Комната была очень тихой, очень большой и пустой.

Пустой настолько, что лишь роскошные изысканные шторы ещё могли демонстрировать некоторое богатство и вкус хозяина.

Мо Фэй стоял у стены, холодно глядя на своего детского себя, сжавшегося на ковре у окна, будто смотрел высококачественный фильм.

Мальчику всего пять лет, весь дрожит, но не смеет издать ни единого всхлипа.

Снаружи приближались шумные голоса, дверь в комнату открылась. Его маленькая голова была всё ещё спрятана между коленями, он видел лишь обувь и голени мужчины и женщины, но больше не желал поднимать взгляд.

Мо Фэй в углу наблюдал: мужчина начистил волосы воском до блеска, словно сапоги; у женщины каштановые кудри ниспадали до талии, в волосах сверкали бриллиантовые украшения — аристократия всегда должна выглядеть изящно, словно картина. Но глядя на этих двух ярких и ухоженных людей, у него возникло ощущение, будто он видит злобных псов, запертых в клетке.

— Почему ты до сих пор не умер? — Женщина с кудрявыми волосами наклонилась и закричала на него. — Зачем ты умер здесь? Зачем тебя угораздило умереть дома!

Мужчина с навощёнными волосами понизил голос, упрекая:

— Ребёнок уже три дня ничего не ел, разве так ведёт себя мать?

— А что я могу сделать? — Женщина с кудрями заплакала. — Его родной отец развлекается с этой стервой и не возвращается, почему я должна нести позорное имя матери, уморившей сына голодом?

Мужчина с навощёнными волосами протянул руку, отодвинул прядь волос со лба женщины и успокоил её:

— Потому что ты его мать. Если однажды ты покинешь семью Мо и заберёшь его с собой, господин Мо переведёт на твоё имя тот самый остров, который ты так хочешь.

Растрёпанная женщина заплакала ещё горше:

— А Ачжэнь? Один остров — для семьи Мо это лишь капля в море, но Ачжэнь — это плоть от плоти моей!

Мужчина с навощёнными волосами ответил:

— Мо Чжэнь — старший сын семьи Мо. К тому же, если ты действительно разведёшься, как ты думаешь, к кому он примкнёт?

— А как вы думаете, к кому? — В дверь вошёл подросток с сиплым, как у селезня, голосом, движения его были надменны и холодны. — Дядя Ван, не пора ли вам домой, проведать Цзыцзяня?

Женщина с кудрями возбуждённо бросилась к нему, но подросток холодно уклонился.

— Мама навсегда останется моей мамой, никто её не заменит.

Женщина с кудрями тут же растроганно воскликнула:

— Ачжэнь!

Выразив свою любовь и тёплые чувства, Мо Чжэнь повернулся к мужчине с навощёнными волосами, тому самому дяде Вану:

— Пока моя мать остаётся в семье Мо, я буду её защищать. Никто не смеет причинять ей боль.

Что касается позиции, дядя Ван смущённо отвёл взгляд.

Мо Чжэню было всего десять с небольшим, его сиплый голос произнёс:

— Я уже сказал дяде Вану навестить Цзыцзяня. Разве не стоит поторопиться? Как бы не опоздать...

— Что ты сделал с Цзыцзянем? — Дядя Ван уставился на него с лёгким ужасом.

— Вертолёт снаружи, — холодно скосил глаза Мо Чжэнь. — Идите!

Родная мать и старый Ван ушли. Мо Чжэнь ногой прикрыл дверь, вытащил из кармана две конфеты, присел и протянул их маленькому Мо Фэю, который всё ещё сидел сжавшись.

Малыш медленно поднял голову. Хотя он много дней не ел, на его лице ещё сохранилась детская пухлость, смотрящаяся очень мило. Мо Чжэнь взял его руку — на мягкой тыльной стороне ладони виднелись многочисленные мелкие следы от уколов.

— Больно?

— Больно...

Мо Чжэнь развернул конфету и поднёс к его губам. Маленький Мо Фэй робко смотрел в глаза старшего брата.

Глаза, влажные и яркие, как звёзды, белое изящное личико. Мо Фэй был старшим братом, но выглядел даже более хрупким, чем он.

Маленький Мо Фэй не смел ему перечить, приоткрыл свой маленький ротик, который не двигался несколько дней, и взял конфету.

— Сладко? — Мо Чжэнь тоже развернул конфету и положил себе в рот. Сладость заставила его глаза, чистые и ясные, как у юноши, изогнуться от улыбки.

Раньше он говорил Мо Фэю: у брата низкий сахар в крови, можно съесть конфетку.

— Знаешь, почему тебе больно?

Маленький Мо Фэй покачал головой.

— Потому что ты не можешь есть, тебе можно только капельницу. А почему тебе нужна капельница?

Маленький Мо Фэй снова покачал головой.

— Потому что ты ел чужую еду. Кроме брата, — губы Мо Чжэня, сжимавшие конфету, на мгновение остановились, затем он снова взял его руку, — никто тебя не любит, все хотят, чтобы ты поскорее умер. Они только и будут, что подмешивать в еду вирусы и бактерии, чтобы у тебя заболел живот. Мама — тоже.

Маленький Мо Фэй с конфетой во рту тупо надул губы.

— Никто не должен унести из этого дома ни копейки. И мама тоже не должна.

Маленький Мо Фэй: ...

— Папа, мама, вся семья Мо — грязные. Только ты — нет. Этот дом принадлежит мне и тебе, запомни.

Маленький Мо Фэй кивнул.

— Тётю Тянь ты знаешь? Я изначально назначил её присматривать за тобой. Когда меня нет, ты можешь доверять ей немного, совсем немного. Только есть то, что она приготовит. Во всём остальном — не верь.

Маленький Мо Фэй задумался. Тётю Тянь он знал, но слова Мо Чжэня были сложными, ему нужно было подумать, чтобы понять.

Мо Фэй, стоявший в углу, смотрел на этих так называемых братьев. Сколько людей обмануло это невинное лицо Мо Чжэня? Даже он сам был им одурачен и безоговорочно верил... Ха!

Дверь в комнату с грохотом распахнулась, вбежал мальчик, ненамного старше маленького Мо Фэя:

— Сяо Фэй, Сяо Фэй! У меня рука болит, брат Чжэнь обжёг мне руку! Мой папа заставляет меня уехать за границу, я не хочу уезжать... Сяо Фэй... Я хочу с тобой играть...

Мо Чжэнь рядом резко встал, выражение его лица стало мрачным и свирепым. Он поднимался всё выше, превращаясь в высокого худощавого взрослого мужчину. В его влажном, чистом смехе сквозила жестокость:

— Ты, мелкая сволочь! Кто разрешил тебе прикасаться к моему Мо Фэю?

С этими словами он занёс ногу, чтобы пнуть маленького Ван Цзыцзяня. От этого удара стена позади с грохотом обрушилась... Размах ноги был слишком велик, и его самого понесло через комнату наружу. Рука едва ухватилась за разрушенный край пола, тело болталось на ветру, готовое сорваться вниз.

Мо Фэй в углу изначально не хотел обращать на него внимания, но когда стена рухнула, он всё же бросился вперёд, протянув руку, чтобы схватить Мо Чжэня, который в любой момент мог упасть.

Оба брата были в безупречных костюмах, Мо Фэй был даже немного выше его. Только один был наверху, а другой — внизу.

Один стоял на опасной стене, другой был на грани гибели.

Мо Чжэнь, вцепившийся в обломки стены, сказал:

— Ты всё ещё не хочешь вернуться? Неужели вернёшься, только если я умру?

Гримаса ярости и следы крови скрыли изначально невинное и чистое лицо Мо Чжэня, его давно забытое, мелькающее в памяти лицо, то появляющееся, то исчезающее, полное холодности, высокомерия и отвратительного выражения.

— Неужели только если я умру, ты согласишься вернуться?

— Неужели только если я умру...

Человек выскользнул из его руки, Мо Чжэнь полетел вниз.

Мо Фэй оцепенело смотрел на свою пустую ладонь. Он не смел смотреть вниз. Двое детей в углу тоже исчезли. В пустой комнате остался только он один.

Один стоял среди повсюду разбросанных обломков. Всё, что могло разбиться в комнате, было разбито: лампа, подушки, шкаф, диван...

Весь в поту, он оглядел превратившуюся в хлам мебель и украшения, и в его внезапно прояснившемся взгляде отобразилась комната, похожая на руины, и сжатый в его руке свиток с каллиграфией и живописью, давно уже разорванный.

Снова сон!

Сон кончился. Лунатик сам превратил своё жилище в руины и наконец, вырвавшись из кошмара, вернулся к себе, двадцатидевятилетнему.

Шторы были сорваны, за окном только-только начинало светать. Босые ноги наткнулись на что-то холодное. Он опустил взгляд — это была жестяная конфетная коробочка нежно-зелёного цвета с двумя иероглифами «Песчинка».

Коробочка уже помялась. Он достал телефон, сфотографировал её на память, затем взмахнул рукой, и ладонь-sized нежно-зелёная жестяная коробочка ударилась о бархатные обои, отскочила и затерялась в обломках на полу.

[Дз-дз] — телефон коротко прозвенел. Это был его ассистент Чжоу Тан. В сообщении напоминали: Ван Цзыцзянь только что звонил, не дозвонился и тогда позвонил Чжоу Тану. Сказал, что Сяо Дун поехал искать его в страну М, и просил Мо Фэя не сердиться на Сяо Дуна.

Сяо Дун — новый стажёр, которого недавно подписала компания, сын тёти Тянь.

Только что прочитав сообщение, он услышал сигнал видео-звонка на телефоне. Снова Ван Цзыцзянь. Мо Фэй взглянул на заваленную обломками комнату, в тёмной мрачной комнате беспорядочно мелькали тени.

Но камера в тёмно-синей комнате не имела такой возможности всё разглядеть.

Он ответил. На той стороне, наоборот, было светло и уютно.

Оба находились в танцевальной студии. За гигантским панорамным окном позади них свежий зелёный газон лежал на экране, залитый буйным солнечным светом.

Сяо Дун танцевал. Ван Цзыцзянь был мастером уличных и современных танцев, обучать его для него не составляло труда. Как раз в этот момент он поправлял движение Сяо Дуна, рука

лежала на его выступающем паху.

Это движение было довольно сложным и двусмысленным, но исполненное, выглядело очень заманчиво, особенно для фанатов, обожающих жизнерадостных айдолов. Стоило появиться такому движению, как визги и восторженные одобрения поднимали волну ажиотажа вокруг мерча звезды.

[Сяо Фэй, ты наконец-то соизволил ответить на мой звонок!]

Там Ван Цзыцзянь продолжал обучать Сяо Дуна. Видеооборудование, очевидно, стояло в стороне, он даже не смотрел в эту сторону, просто почувствовал интуитивно, что собеседник ответил.

Характер Мо Фэя был таков: не ответит — значит не ответит, будет держать звонок, или сразу заблокирует, или ответит. Никогда не кладёт трубку первым — близкие это знают.

— Господин Ван звонит по видео, чтобы я посмотрел ваш урок танцев в прямом эфире?

<http://bllate.org/book/15592/1390101>